

П. Кропоткинъ.

Письма о современныхъ событіяхъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

I.

Дорогой мой другъ!

Вы хотите знать мое мнѣніе о теперешнихъ событіяхъ. Вотъ оно,—коротко и ясно.

При данныхъ условіяхъ всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизации, и то, за что боролся рабочій Интернаціоналъ, можетъ дѣлать только одно—помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій имперіализмъ.

Съ этимъ врагомъ боролись уже въ 1871 году, тотчасъ послѣ окончанія франко-прусской войны, Либкнехтъ и Бебель, когда протестовали противъ разбойнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германской имперіи, завѣдомо противъ воли народа этихъ областей. Они видѣли въ этомъ грабежѣ залогъ новыхъ, неизбѣжныхъ войнъ, а съ ними—пріостановку цивилизации и прогресса.

Съ тѣмъ же врагомъ въ крайнемъ лагерѣ Интернаціонала боролся Бакунинъ, стараясь поднять освободительное возстаніе на югѣ Франціи, а когда это не удалось, онъ старался поднять общественное мнѣніе Европы своими проникновенными письмами,—*Lettres à un français*,—и тѣми статьями, которыя онъ называлъ своимъ завѣщаніемъ.

На защиту Франці тотчасъ послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія республики поднялся старикъ Гарибальди со своими волонтерами, и телеграмма «La sainte chemise rouge a débarqué à Marseille» разнесла по Европѣ вѣсть о высадкѣ Капрерскаго льва на защиту Франці противъ германскаго нашествія.

Мало того. Не въ однѣхъ крайнихъ партіяхъ, но и среди буржуазіи всей Европы, все, что принадлежало къ передовой мысли, протестовало тогда противъ разгрома Франці, отторженія отъ нея двухъ областей и неслыханной въ тѣ времена контрибуціи въ пять миллиардовъ франковъ. Уже тогда лучшіе люди Европы поняли, что военное торжество Германіи и созданіе въ центрѣ Европы могучей Германской имперіи значили приѣздъ на долгіе годы той цивилизаціи, носителемъ которой была Франція, и отреченіе самой Германіи отъ идеаловъ, вдохновлявшихъ до тѣхъ поръ ея лучшихъ представителей. Всѣ чувствовали, что торжество прусскаго воинствующаго юнкерства неизбежно приведетъ къ торжеству военщины и кулачнаго права во всей Европѣ,—къ общему пониженію культуры.

И въ настоящее время съ этимъ врагомъ до послѣдней минуты боролись мирнымъ оружіемъ всѣ противники милитаризма: одни, протестуя противъ войны вообще, другіе—угрозой всеобщей стачки.

Но разъ сила стародавнихъ устоевъ военнаго государства взяла верхъ, разъ тотъ, который, посылая пѣмецкія войска въ Китай противъ боксеровъ, могъ самъ себя назвать Аттилой и приказывать своимъ солдатамъ быть столь же свирѣпыми, какъ полчища Аттилы («Times» припомнилъ на-дняхъ эту рѣчь), сталъ вождемъ и выразителемъ Германіи; разъ эта злая сила взяла верхъ и напустила своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на Западную Европу, долгъ пашъ—дать отпоръ этой силѣ всѣми средствами въ нашей власти.

Нѣмецкіе дипломаты хорошо помнятъ завѣты Бисмарка: «Одновременно съ военной кампаніей вести дипломатическую

кампанію», т.-е. походъ лжи и обмана ¹⁾. И теперь эти дипломаты воспользовались убійствомъ эрцгерцога Фердинанда, чтобы увѣрить ничего лучшаго не желавшихъ нѣмцевъ, что заступничество Россіи за Сербію—причина войны. Между тѣмъ государственнымъ людямъ Западной Европы было хорошо извѣстно, что уже 6-го іюля (19-го новаго стиля) германскимъ правительствомъ война рѣшена была безповоротно.

Австрійскій ультиматумъ Сербіи былъ послѣдствіемъ этого рѣшенія, а не причиной.

Окончательное рѣшеніе было принято 6-го (19-го) іюля. Но сколько разъ война Германіи противъ Франціи уже готово была разразиться со времени разгрома 1871 года! Германія все время жила въ готовности къ ней, а Франція все время ждала новаго вторженія, котораго не въ силахъ была бы остановить. Сквозь всю исторію Франціи за послѣднія сорокъ лѣтъ красной нитью проходитъ сознаніе этой опасности. Три раза,—сперва при Александрѣ II, а потомъ при Александрѣ III,—Россія должна была вмѣшаться, чтобы предотвратить, иначе неизбежный, разгромъ Франціи. За послѣдніе же три года общеевропейская война уже дважды готова была разразиться. Въ іюль 1911 года она была такъ близка, что здѣсь, въ Англій, уголь для военныхъ судовъ спѣшно отправляли изъ Уэльса въ Ньюкастль по желѣзной до-

¹⁾ Бисмаркъ самъ разсказалъ, какъ онъ обработалъ депешу, полученную имъ отъ прусскаго короля Вильгельма, изъ Эмса, гдѣ онъ пилъ воды, и какъ онъ обнаружилъ ее въ такомъ видѣ, что выходило, будто Франція была виновницей войны 1870 года. Вильгельмъ телеграфировалъ Бисмарку, что онъ отвѣтилъ французскому посланнику во время гулянья на водахъ, что разъ онъ обѣщалъ отказаться отъ кандидатуры нѣмецкаго принца на испанскій престолъ, другихъ гарантій не требуется. Бисмаркъ, остававшійся въ Берлинѣ, пригласилъ къ себѣ обѣдать Мольтке, прочелъ ему депешу и спросилъ его, увѣренъ ли онъ въ побѣдѣ. Мольтке отвѣтилъ утвердительно, насколько предвидѣть возможно въ войнѣ. Тогда,—говоритъ Бисмаркъ,—я не фальсифицировалъ депешу короля: я только такъ „уварилъ ее“, что былъ увѣренъ, что завтра весь Парижъ потребуетъ войны (выходило оскорбленіе посланника). Такъ и случилось. Вышло, что въ войнѣ виновата была Франція и вся Европа и мы всѣ въ Петроградѣ повѣрили этому... То же происходитъ теперь.

рогѣ! Везти морскимъ путемъ было бы слишкомъ медленно и, можетъ - быть, уже ненадежно.

Прошлымъ лѣтомъ Австрія держала подъ ружьемъ миллионъ мобилизованныхъ солдатъ близъ своей восточной границы, а германская кавалерія уже въ февралѣ, когда снѣгъ еще лежалъ въ Россіи, стояла на западной границѣ Царства Польскаго, вполне готовая къ наступленію. Я это знаю отъ очевидцевъ.

Если европейская война тогда уже не разразилась, то только потому, что расширение и укрѣпленіе Кильскаго канала, гдѣ долженъ былъ укрыться нѣмецкій флотъ (раньше въ него не могли войти дредноты), еще не было закончено. А также не были еще готовы громадный укрѣпленный лагерь въ озерной полосѣ Восточной Пруссіи и новыя укрѣпленія крѣпостей въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Работы въ Кильскомъ каналѣ были спѣшно завершены нынѣшнимъ лѣтомъ, 20-го іюня,—и двѣ недѣли спустя война была рѣшена.

Впрочемъ, уже прошлой зимой много разныхъ признаковъ указывало на близость войны, и въ февралѣ въ Бордигерѣ я доказывалъ моему другу, редактору «Temps Nouveaux», какъ неправы были французы, протестовавшіе противъ закона о трехлѣтней службѣ. Другого средства, въ виду увеличенія Германіей ея готовыхъ къ бою войскъ на цѣля двѣсти тысячъ, не было. Если бы Франція объявила мобилизацію, хотя бы частную, она оказалась бы виновницей войны.—Война начнется,—говорилъ я,—какъ только жатва поспѣетъ въ Россіи и во Франціи: нѣмцы знаютъ, что иначе имъ нечѣмъ было бы кормить свои арміи, особенно свою быстро наступающую кавалерію. Помните, что война 1870 года началась 15-го іюля. Русскимъ друзьямъ я совѣтовалъ заранѣе выбраться изъ-за границы.

Все это было такъ ясно, такъ очевидно, что только люди, мало интересующіеся западно-европейскими дѣлами да нежелающіе вообще думать о «страшныхъ» вопросахъ, могли этого не видѣть. Что не мѣшаетъ теперь цѣлой кучѣ людей, начитав-

шихся нѣмецкой прессы и телеграммъ, разсылаемыхъ оплачиваемыми Германіей телеграфными агентствами, воображать, что причина войны—заступничество Россіи за Сербію, хотя Германія что-то еще не думаетъ объ Австріи, а пока что завоевываетъ и «присоединяетъ» Бельгію ²⁾).

Впрочемъ, кто же изъ государственныхъ дѣятелей Бельгіи не зналъ, что Бельгію давно рѣшено завоевать при первомъ удобномъ случаѣ, а Голландію—заставить примкнуть къ Германской имперіи, такъ какъ въ ея рукахъ находятся проливы, ведущіе въ Тихій океанъ изъ Индійскаго океана; Францію же давнымъ-давно рѣшено низвести на степень третьестепенной державы... Къ этимъ цѣлямъ направлена была вся жизнь Германской имперіи. Этими завоеваніями бредятъ въ Германіи милліоны какъ буржуа, такъ и рабочихъ.

II.

Не Сербія—причина войны, не страхъ Германіи передъ Россіей, а то, что, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, тотъ классъ, который заправляетъ политической жизнью Германіи, былъ опьяненъ своимъ торжествомъ надъ Франціей и своей быстро развивавшейся военной силой на сушѣ и на моряхъ. Этотъ классъ считаетъ прямо-таки оскорбительнымъ для Германіи, что ея сосѣди мѣшаютъ ей завладѣть богатыми (готовыми, заселенными уже) колоніями на Средиземномъ морѣ (Марокко, Алжиръ, Египетъ), а также Малой Азіей и частью Китая, опережаютъ ее въ планахъ захвата будущей Адриатики Индій-

²⁾ Англійскій парламентъ только-что издалъ „Синюю книгу“ (ея официальный номеръ: Cd 7595) о тайной „официальной германской организаціи съ цѣлью вліять на прессу другихъ странъ“. Организациа была составлена 28-го февраля подъ предлогомъ „увеличенія престижа германской промышленности за границей“, и на нее было ассигновано 500,000 марокъ частными компаниями и 250,000 марокъ правительствомъ. Завѣты Бисмарка насчетъ купленной прессы не забыты въ Германіи.

скаго океана, т.-е. Персидскаго залива, и вообще мѣшаютъ ей установить свою гегемонію въ Европѣ, Азій и Африкѣ.

Быстрое закрытіе германской обрабатывающей промышленности за послѣднія сорокъ лѣтъ, безъ одновременнаго развитія достатка среди крестьянства, которое могло бы быть рынкомъ для сбыта мануфактурныхъ издѣлій (какъ въ Соединенныхъ Штатахъ), сдѣлало то, что громадная масса нѣмецкаго пролетаріата заражалась тѣ ми же завоевательными планами и теперь тоже мечтаетъ о быстромъ развитіи могучаго, завоевательнаго капитализма. Вслѣдствіе чего въ результатѣ получается настоящее поклоненіе передъ идеей объединеннаго военнаго государства, обожаніе арміи и поразительное единодушіе въ завоевательныхъ мечтаніяхъ.

Что въ этой характеристикѣ нѣтъ преувеличенія, доказали событія послѣднихъ дней.

«Оставайтесь нейтральными,—писалъ Вильгельмъ англійскому правительству.—Я оставлю нетронутой территорію Франціи въ Европѣ, только отберу ея колоніи (Марокко, Алжиръ, Тунисъ, Тонкинъ)».

«Не оставайтесь нейтральными, присоединитесь ко мнѣ,—писалъ онъ въ Италію.—Вы получите за это Савойю, Ниццу, Тунисъ».

«Не вмѣшивайтесь, дайте мнѣ раздѣлаться съ Англійей, Бельгіей и Франціей,—писалъ онъ въ Россію и обѣщалъ не трогать Россіи,—покудова».

«Охота вамъ придавать такое значеніе клочку бумаги, т.-е. договору европейскихъ государствъ, которымъ обезпечивалась независимость и нейтральность Бельгіи», писалъ германскій канцлеръ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ, нагло заявляя, такимъ образомъ, что для Германіи никакіе международные договоры не существуютъ.

Намъ, вѣрно, скажутъ, что Наполеонъ I тоже считалъ себя въ правѣ поирать всѣ международные договоры. Правда, но, по крайней мѣрѣ, вплоть до войны 1812 года арміи Французской

республики, а затѣмъ даже и имперіи разносили по Европѣ уничтоженіе крѣпостного права и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Въ этомъ была ихъ сила. Что же несутъ теперь нѣмецкія арміи въ сожигаемые ими города и деревни? Ничего, кромѣ идеала военного государства! Никакой идеи права! Ничего, кромѣ торжества озвѣрѣвшаго солдата! Ничего, кромѣ топтанія въ грязь той самой культуры, которая развивалась въ Германіи до 1870 года.

Свобода народностей? Идеалы мира? Прогрессъ? Ничего этого нѣтъ на знамени Германской имперіи. Оно обѣщаетъ только войну, оно—залогъ новыхъ войнъ. Покореніе вольныхъ націй. Централизованное военное государство, подчиненіе всей жизни народа военному идеалу, воплощеніемъ котораго служить онъ, Вильгельмъ, самъ себя именующій «бичемъ Божиимъ», Атилой!

Постарайтесь въ самомъ дѣлѣ представить себѣ, что значило бы торжество Германіи въ теперешней войнѣ?

Покореніе Бельгіи,—всея или по крайней мѣрѣ большей ея части. Во всякомъ случаѣ водвореніе Германіи въ Антверпенѣ и, по всей вѣроятности, въ Калѣ.

Насильственное приобщеніе Голландіи къ Германской имперіи.

Угроза присоединенія Швейцаріи, которую болѣе не въ силахъ будутъ защищать Франція и Англія ³⁾.

Присоединеніе къ Германіи части Франціи (Шампани и сѣверныхъ береговъ), а, слѣдовательно, появленіе линіи нѣмецкихъ крѣпостей въ одномъ или въ двухъ дняхъ пути отъ Парижа и запрещеніе воздвигать противъ нихъ укрѣпленія; громадная, изнурительная контрибуція, идущая главнымъ образомъ на дальнѣйшее усиленіе германской арміи и флота (уже Бисмаркъ жалѣлъ, что не взялъ контрибуціи въ 15 миллиардовъ вмѣсто пяти). Въ результатѣ низведеніе Франціи на роль третьестепеннаго го-

³⁾ Если бы Швейцарія быстрой мобилизаціей 600-тысячнаго войска не подкрѣпила своего отказа пропустить германскія войска во Францію черезъ Базельскіи кантонъ, ея независимости былъ бы положенъ конецъ.

сударства, не смѣющаго сдѣлать ни одного шага въ направленіи соціального прогресса въ виду угрозы вмѣшательства Германіи. Всѣ эти годы въ этомъ положеніи была Бельгія. Въ такое же положеніе попала бы Франція и приблизительно въ такое же положеніе попала бы Англія.

Теперь, когда строятся громадные пароходы, способные принять каждый по нѣскольку тысячъ солдатъ, когда подводныя лодки, аэропланы и управляемые воздушные шары стали частью вооруженныхъ силъ, неуязвимости Англіи отъ вторженія нѣмцевъ уже не существуетъ. Уже теперь знающіе люди предвидятъ здѣсь полную возможность вторженія. Когда же прусская каска будетъ владычествовать на южномъ берегу Па-де-Калэ, вторженіе въ Англію станетъ просто вопросомъ удобной минуты. Весь строй жизни и дальнѣйшее развитіе страны должны будутъ складываться въ виду этой возможности, какъ они уже складывались во Франціи.

О послѣдствіяхъ торжества Германіи для насъ, въ Россіи, даже думать не хочется,—такъ они были бы ужасны. Что станется съ внутреннимъ развитіемъ Россіи, когда на Нѣманѣ, въ Ригѣ, а можетъ быть и въ Ревелѣ воздвигнутся нѣмецкія крѣпости, какъ Мецъ, — не для защиты отвоеванной территории, а для нападенія? Крѣпости, откуда въ первый же день объявленія войны смогутъ выступить двѣсти тысячъ войска, со всей своей артиллеріей, готовые идти на Петроградъ?

Вообще торжество Германіи въ этой войнѣ значило бы порабощеніе всей европейской культуры задачамъ военнаго преобладанія. Ея торжество въ 1870 году уже дало намъ сорокъ лѣтъ такого порабощенія и остановки общаго развитія. Теперь ея торжество надъ Франціей, Бельгіей, Англіей и Россіей дало бы полстолѣтія, если бы не болѣе, такой же остановки развитія, распространенной на всю Западную Европу и на весь славянскій міръ.

Я не говорю уже о томъ, въ какихъ возмутительно-дикихъ формахъ выражается въ теперешней войнѣ торжествующій гер-

манизмъ. Говоря только о томъ, что засвидѣтельствовано не-предложными свидѣтельскими показаніями, нѣмецкія регулярныя войска превзошли все, что мы слышали до сихъ поръ. И при этомъ, — замѣтьте, — послѣдній нѣмецкій солдатъ и пабернскій лейтенантъ, совершая звѣрства надъ бельгійцами, — стариками, женщинами, дѣтьми, — считаетъ ихъ именно бунтовщиками. Не народомъ, воюющимъ за свою свободу, а незаконными бунтовщиками.

Что всего ужаснѣе, это — то, что насиліе, совершаемое германцами надъ Бельгіей, возбуждающее омерзѣніе во всемъ образованномъ мірѣ, находитъ оправданіе даже въ средѣ крайней партіи — социаль-демократической. Надѣюсь, не у всѣхъ. Но вы, конечно, читали о кампаніи, предпринятой нѣмецкимъ депутатомъ Зудекумомъ въ шведской газетѣ «Socialdemokraten» и лично въ Италіи, и видѣли отвѣты, данныя ему въ этихъ странахъ.

Тѣмъ временемъ внѣ Германіи пролетаріатъ всей Европы понимаетъ, какое клеймо теперешняя война налагаетъ на германскій народъ, и желаетъ, ждетъ полного пораженія Германіи и прекращенія внесенной ею въ нашу жизнь военщины.

Многое еще хотѣлъ бы сказать. Но на сегодня довольно. Всѣмъ, кто не закрываетъ глаза на совершающееся вокругъ насъ, достаточно ясно, почему всякій, кому дорого прогрессивнѣе развитіе человѣчества и у кого мышленіе не отуманивается личными привязанностями, привычкою и софизмами казеннаго якобы патріотизма, не можетъ колебаться. Нельзя не желать полного пораженія зарвавшейся военной Германіи. Нельзя даже оставаться нейтральнымъ, такъ какъ въ дашомъ случаѣ нейтральность была бы потворствомъ желѣзному кулаку.

Это понимаетъ громадное большинство, и отовсюду слышатся такія рѣчи: Союзники побѣдятъ, и эта война будетъ послѣдней европейской войной. Права всѣхъ національностей на свободное развитіе будутъ признаны; федеративное начало найдетъ широкое приложеніе при передѣлѣ карты Европы. Безобразіе войны и неспособность вооруженнаго мира предотвратитъ

ее такъ бьютъ въ глаза, что наступаетъ періодъ всеобщаго разоруженія. А единеніе внутри передовыхъ націй, къ которому уже ведетъ теперь необычайное напряженіе всѣхъ силъ, съ тѣхъ поръ, какъ надвинулась общая опасность, неизбежно оставитъ слѣды во всѣхъ народахъ. Оно уже кладетъ зачатки новой, болѣе объединенной жизни всѣхъ слоевъ, изъ которыхъ теперь слагаются націи.

Таковы мысли, нарождающіяся въ Западной Европѣ. Онѣ вѣрны и онѣ должны восторжествовать.

Письмо второе.

I.

Дорогой мой другъ!

Конечно, вамъ, должно-быть, очень больно переживать противорѣчія, которыя осаждаютъ васъ. «Меня одна мысль, главнымъ образомъ, мучаетъ,—пишете вы.—Неужели война, въ особенности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперешняя, можетъ являться войной освободительной?.. Если вы раньше знали, что война съ Германіей будетъ освободительной войной, тогда къ чему намъ былъ весь антимилитаризмъ, всѣ фразы о всеобщей стачкѣ и т. п.? Вообще, рядъ вопросовъ, которые теперь не даютъ жить»...

Я понимаю, какъ должны мучить подобные вопросы. Но не оттого ли они возникли, что во всей работѣ антимилитаристовъ, противниковъ войны, лежитъ коренная ошибка? Они думали, что своей пропагандой противъ войны они могутъ помѣшать войнѣ, несмотря на то, что теперь существуютъ еще во всей силѣ тѣ причины, которыми обусловливается неизбежность войнъ.

Они писали, что причина всѣхъ современныхъ войнъ—европейскій капитализмъ со всѣми его извѣстными послѣдствіями. А съ другой стороны, они вѣрили, что «достаточно объявить все-

общую стачку» во всѣхъ странахъ, готовыхъ броситься на войну (только!), и война станетъ невозможною.

Какимъ-то чудомъ вся громадная сила капитала и подвластныхъ ему орудій исчезла, рушилась, парализовалась. И исчезла она не только во Франціи, но и въ той другой странѣ,—въ Германіи, которая въ завоеваніи части Франціи, въ обезсиленіи ея и приобрѣтеніи ея колоній видѣла «необходимый шагъ», чтобы дать развиваться во- всю своему, германскому, капитализму.

Выходила, такимъ образомъ, явная несообразность. И я теперь спрашиваю себя: Вполнѣ ли сознавало большинство анти-милитаристовъ неразрывную связь между войною и разрастаніемъ европейскаго капитализма? Не придавали ли они все-таки слишкомъ большое значеніе въ войнахъ злой волѣ отдѣльныхъ личностей?

Вотъ почему за послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ, когда неизбежность нападенія Германской имперіи на Францію стала ярко обозначаться, я старался убѣдить французскихъ товарищей, что пропаганда противъ войны—одно, а положеніе, которое имъ придется занять въ моментъ объявленія войны Германіей,—совершенно другое.

Живя въ обществѣ, скажемъ, двадцати человѣкъ и видя, что одинъ изъ насъ, сильнѣе, норовитъ угнетать другого, я могу, я долженъ употреблять всѣ мои усилія, чтобы вразумить всѣхъ насъ, а въ особенности сильнаго, стремящагося угнетать слабого товарища. Но если мои слова не подѣйствовали, если сильный началъ бить слабого, развѣ я имѣю право стоять въ сторонѣ, сложа руки, на томъ основаніи, что кулакъ—не доказательство и что я раньше проповѣдовалъ вредъ драки и необходимость мира? Именно потому, что я противникъ угнетенія слабого сильнымъ, я бросаюсь въ драку и помогаю слабому отбить сильнаго, хотя прекрасно знаю по опыту, что ударъ кулака, предназначавшійся слабому, непременно попадетъ въ мою голову.

Я понимаю, что можно не отвѣчать на личную обиду. Но

стоять сложа руки, когда злой и сильный бьетъ слабого,—непростительная подлость. Именно ею держится всякое насилие.

Проповѣдь противъ войны, конечно, приближаетъ время, когда люди поймутъ, что истинною причиною войны всегда бываетъ желаніе одной страны воспользоваться трудомъ другой страны и накопленными ею богатствами. Она поможетъ также убѣдиться, что даже «успѣшная война» приноситъ, въ концѣ-концовъ, больше вреда, чѣмъ пользы, самимъ побѣдителямъ.

Но при нынѣ существующихъ условіяхъ такая пропаганда не можетъ помѣшать войнѣ, покуда есть страны, которыхъ населеніе готово помогать желающимъ наживаться чужимъ трудомъ, сплошь да рядомъ предполагая въ этомъ и свою выгоду.

Угроза всеобщей стачки можетъ сдерживать до поры, до времени завоевательные порывы. Но бросьте думать,—говорилъ я,—что всеобщая стачка можетъ состояться въ моментъ объявленія войны, если одна изъ сторонъ рѣшила открыть военныя дѣйствія. Каждый въ той странѣ, которой грозитъ вторженіе, будетъ чувствовать въ такую минуту, что одинъ день промедленія въ мобилизаціи представитъ подарокъ завоевателю цѣлой области и увеличитъ число жертвъ войны на лишнюю сотню тысячъ человѣкъ.

На это мои французскіе товарищи возражали: «Для того-то мы и ведемъ антивоенную пропаганду, чтобы открыть глаза нѣмцамъ; чтобы они отказались помогать своимъ капиталистамъ въ грабежѣ Франціи. Помни, что у нѣмцевъ есть уже три съ половиною милліона социалистовъ,—наивно прибавляли мои друзья,—и эта масса социалистовъ вмѣстѣ съ нами воспротивится войнѣ».

Когда же я доказывалъ, что этого не будетъ и быть не можетъ, миѣ смѣло отвѣчали: «Если даже и такъ, то кто-нибудь долженъ же взять на себя починъ. Мы начинаемъ,—будь, что будетъ!»

На это оставалось только сказать: «Пусть такъ! Но съ тѣмъ,

что, когда Германія начнетъ съ дикой энергіей,—съ согласія своихъ социалистовъ,—собрать свои полчища, вы съ еще болѣе энергіей и съ тѣмъ болѣе полнымъ сознаниемъ правоты своего дѣла, что вы старались помѣшать войнѣ, будете помогать мобилизаци и будете драться противъ завоевателей. Только бросьте вы говорить такой вздоръ, что рабочему-французу все равно, кто бы ни владѣлъ имъ: французскій капиталистъ и французскій префектъ или нѣмецкій генералъ и нѣмецкій фабрикантъ. Вы, во Франціи, не видали и, мало путешествуя, не знаете, что значитъ жить подъ владычествомъ другой націи».

Впрочемъ, на этотъ счетъ за послѣдній мѣсяцъ нѣмцы сами постарались открыть глаза мечтателямъ¹⁾.

Большая часть французскихъ антимилитаристовъ именно то и сдѣлала, что слѣдовало предвидѣть. Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны одинъ изъ близкихъ моихъ товарищей, одинъ изъ самыхъ убѣжденных антимилитаристовъ, писалъ мнѣ изъ Парижа: «Ты былъ правъ: надо защищаться. Только сопротивление и нападеніе сломятъ нѣмецкую военщину». Другіе пишутъ: «Состою въ такомъ-то полку»: санитаромъ—кто постарше, рядовымъ—кто помоложе; и дерутся антимилитаристы, навѣрное, съ такимъ же твердымъ намѣреніемъ выгнать изъ Франціи разъ навсегда численно превосходныхъ заставшихъ въ окопы нѣмцевъ, какъ и всѣ остальные.

Такъ же поступили и бельгійцы. До послѣдней минуты они стояли за миръ. А когда надвинулась орда завоевателей, они стали геройски защищать дорогіе имъ родные поля и города.

Теперь вы, конечно, знаете, что двинуло нѣмцевъ на завоева-

¹⁾ Одинъ изъ такихъ мечтателей, французскій депутатъ-социалистъ Комперъ-Морель, побывавъ въ Санлисѣ (Senlis) и убѣдившись на мѣстахъ, съ какимъ злорадствомъ нѣмецкіе солдаты подвергали пыткамъ французовъ, раньше чѣмъ ихъ добить, съ грустью признается въ своихъ заблужденіяхъ. Онъ указываетъ, что изъ четырехъ миллионъ избирателей-социалистовъ въ Германіи по крайней мѣрѣ одинъ миллионъ долженъ находиться въ нѣмецкихъ войскахъ, наводнившихъ Бельгію и Францію.

ніе Бельгіи и Франціи. Вы знаете, какъ безъ всякаго повода или даже подобія повода они вторглись въ Бельгію, чтобы легче имъ было раздавить ненавистную имъ Францію; вы знаете, какъ они завоевываютъ, знаете, какъ они мстятъ, когда имъ приходится отступать изъ городовъ и селъ, которые они уже считали своими. Вы знаете, почему и какъ они ведутъ войну. Такъ скажите: желаете вы успѣха бельгійцамъ и французамъ? Желаете вы изгнанія озвѣрѣлыхъ завоевателей изъ Бельгіи и Франціи?

Если да, то о чемъ же еще разговаривать?

II.

Я знаю, что далеко не всѣ раздѣляютъ такой взглядъ. Въ Италіи есть много рабочихъ, особенно анархистовъ, синдикалистовъ и отчасти социаль-демократовъ, которые безусловно противъ того, чтобы Италія приняла какое бы то ни было участіе въ войнѣ. Всѣ они выражаютъ сочувствіе Бельгіи и Франціи и ненависть къ завоевательному германизму; но вмѣстѣ съ тѣмъ они стоятъ за полное невмѣшательство,—не только правительства, но даже отдѣльныхъ отрядовъ добровольцевъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, теперешнимъ состояніемъ Италіи послѣ триполійской войны. Рабочіе, очевидно, боятся, что если начнется агитація для посылки во Францію добровольческихъ отрядовъ (какъ это совѣтовалъ на недавнемъ совѣщаніи синдикалистовъ де-Амбрисъ), это дастъ поводъ правительству вмѣшаться въ войну. А въ данную минуту,—думаютъ они,—вмѣшательство было бы губительно для Италіи. Дѣйствительно, проживши въ Италіи, вполне понимаешь, какъ должны итальянцы, любящіе свою родину, опасаться войны. При теперешней дезорганизаціи арміи послѣ триполійской войны, при полномъ истощеніи военныхъ запасовъ и особенно казначейства,—начинать новую войну они считаютъ невозможнымъ.

Такимъ образомъ, положеніе, принятое итальянцами, вполне понятно. Можно сказать только одно: что его послѣдствія могутъ быть очень невыносимы для Италіи. Своимъ отказомъ стать на сторону тройственного союза Италія нажила непримиримаго врага въ Германіи, которая, если она не потерпитъ полного пораженія, непременно воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить давно подготовляемое ею вторженіе въ сѣверную Италію.

Что же касается до тѣхъ группъ, глубоко убѣжденныхъ антимилитаристовъ во Франціи и Швейцаріи, которыя во имя своего отрицанія войны не желаютъ поощрять ни той, ни другой воюющей стороны и среди которыхъ я имѣю близкихъ друзей, то они впадаютъ, на мой взглядъ, въ серьезную ошибку. Ихъ сочувствіе на сторонѣ французскаго и бельгійскаго народа. Самый фактъ завоеванія и обирания одного народа другимъ имъ ненавистенъ. «Но война—зло,—говорятъ они,—а потому они не хотятъ ея ни за, ни противъ Германіи.

Но они упускаютъ изъ вида одно. Теперешняя война творитъ новую исторію. Она всѣмъ народамъ ставитъ новыя задачи общественнаго строительства. И когда начнется эта перестройка, новая жизнь пройдетъ мимо тѣхъ, кто отказался быть людьми дѣйствія въ минуты, когда судьбы нашего вѣка рѣшались на поляхъ битвъ.

Да, война, дѣйствительно, поставила мучительные вопросы. Но нельзя ли на нее взглянуть попроще?

Почему-то повсюду на нее воздаются большія надежды. Отовсюду слышится мнѣніе, что эта война положитъ конецъ развитію могучаго военнаго государства въ центрѣ Европы, служащаго угрозой своимъ сосѣдямъ. Почему-то люди вѣрятъ, что она положитъ начало временамъ мирнаго развитія въ лучшемъ направленіи; ужасы войны выступили за эти два мѣсяца въ такой потрясающей наготѣ; наконецъ, вызванное ею объединеніе всѣхъ слоевъ общества въ одномъ общемъ дѣлѣ не прой-

детъ безслѣдно, а заложить начатки болѣе объединенной жизни...

Конецъ гегемоніи Германіи, распаденіе Австрійской имперіи и заря новой жизни для славянскихъ народностей, объединенная Польша, снова вносящая свои народныя начала въ сокровищницу знаній и творчества Европы, какъ она вносила ихъ раньше,—чего только не ждутъ отъ этой войны!

Конечно, можно только радоваться, что войнѣ придають такія цѣли. Сколько бы изъ этихъ цѣлей ни осуществилось, во всякомъ случаѣ, начало ихъ осуществленія будетъ положено.

Но нужно ли все это, чтобы опредѣлить наше отношеніе къ войнѣ? Но достаточно ли ясно уже опредѣлились ея ближайшія задачи?

Когда старый, раненый Гарибальди созвалъ въ 1870 году своихъ старыхъ и молодыхъ товарищей и пошелъ съ ними сражаться противъ нѣмцевъ за Французскую республику, онъ не задавался міровыми задачами. Онъ не переоцѣнивалъ значенія войны вообще. Онъ видѣлъ во Франціи «борьбу свободы съ самовластьемъ» и счелъ своимъ долгомъ стать, какъ всегда стоялъ, на защиту первой противъ второго.

Понятно, онъ не вмѣшался бы въ войну 1866 года между Пруссією и Австрією, потому что ни за той, ни за другой онъ не признавалъ права на подавляющее значеніе въ Германскомъ союзѣ. И не вмѣшался бы онъ въ войну двухъ государствъ за право завоеванія какой-нибудь чужой земли въ Африкѣ или Азіи. Но онъ вступился во франко-прусскую войну, потому что со времени паденія Наполеона III война не имѣла для Германіи иной цѣли, кромѣ завоевательной, при чемъ право и прогрессъ были на сторонѣ Франціи.

То же самое приходится сказать себѣ теперь. Событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ показали, насколько необходимо сокрушить злую силу, которая воюетъ во имя того, что германскимъ капиталистамъ «нужны» чужія земли и колоніи; что для покоренія своей соперницы, Франціи, Германіи «нужно было»

провести свои миллионныя арміи черезъ нейтральную Бельгію; что ей «нужно» сокрушить Англію, чтобы богатѣть. А потому Германія будто бы имѣетъ право и даже «священную миссію» предавать огню и мечу поля, политыя потомъ и кровью бельгійскихъ и французскихъ крестьянъ, обращать въ развалины города и избивать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разъ кто-нибудь изъ гражданъ вздумаетъ защищать свой домъ и свою семью отъ вторженія.

Для васъ и многихъ другихъ всего этого еще недостаточно. Вы сомнѣваетесь, вы хотите знать навѣрно, будетъ ли эта война войною освободительной? Но на этотъ вопросъ заранѣе отвѣтить невозможно. Все будетъ зависѣть отъ исхода войны со всѣми возможными, побочными ея осложненіями.

Одно только несомнѣнно. Если восторжествуетъ Германія, то война не только не будетъ освободительною: она принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое пораженіе.

Правители Германіи этого не скрываютъ. Они сами заявили, что начали войну съ цѣлями завоевательными: надолго обезсилить Францію, отобрать у нея колоніи, разбогатѣть на ея счетъ; обезсилить Англію, отобрать нѣкоторыя изъ ея колоній; обезсилить Россію, «обезпечить себя отъ ея нападеній», т.-е. «округлить границы» и настроить укрѣпленныхъ лагерей въ родѣ Меца въ областяхъ, отобранныхъ у Россіи,—поближе къ Петрограду и Москвѣ.

Что именно къ этому стремятся и владыки Германіи, и ихъ политическіе и военные писатели, и ихъ офицеры, и даже часть солдатъ,—въ этомъ нѣтъ нынѣ сомнѣнія. Они сами этого не скрываютъ. Они гордятся этимъ. И кто же не понимаетъ, какой источникъ новыхъ войнъ представилъ бы собою такой исходъ войны? Какимъ препятствіемъ онъ явился бы всякому прогрессивному внутреннему развитію въ Европѣ?

Но если это вѣрно, то помѣшать такому торжеству завоевателей, избавить Европу отъ висящей надъ нею угрозы,—не будетъ ли это уже такимъ великимъ дѣломъ, чтобы война, достиг-

шая такой цѣли, вполне заслужила бы названія войны освободительной?

Замѣьте, что въ теперешней войнѣ намѣчается еще одинъ вопросъ громадной важности: вопросъ небольшихъ народностей, стремящихся завоевать себѣ право на самобытное развитіе.

Во всякомъ случаѣ, уже теперь характеръ гигантской борьбы, ведущейся въ Европѣ, достаточно выяснился. Пора прекратить разговоры о «носителяхъ германской высокой культуры». Они достаточно выказали себя въ Бельгіи. Мы увидѣли, до чего могутъ дойти люди, даже не глупые и по природѣ не злые, если они выросли съ дѣтства въ обожаніи права военного захвата. И мы вынуждены опредѣленно высказать слѣдующее:

«Въ Европѣ безусловно невозможно будетъ дальнѣйшее развитіе идеаловъ и нравовъ свободы, равенства и братства, пока среди насъ будетъ семидесятимилліонное государство, гдѣ до машиннаго совершенства разработаны всѣ приемы военного разбоя; гдѣ вся нація, включая ея лучшихъ людей и ея передовыя партіи, оправдываетъ эти приемы и считаетъ ихъ своимъ правомъ, видя въ нихъ залогъ своего дальнѣйшаго развитія.

Необходимо, чтобы весь германскій народъ увидѣлъ на дѣлѣ, въ какую бездну разоренія и нравственнаго паденія повергла его культура, цѣликомъ направленная къ завоевательнымъ цѣлямъ».
